

Глава 5

Отцы знают своих детей лучше всех. Цао Цао, разумеется, понял, о чём спрашивает сын.

На глазах у всех он не стал ничего объяснять, лишь поднял руку и легонько похлопал юношу по плечу.

Цао Ан всё понял и тут же сменил тему, заговорив о других важных делах.

— Из Дунцзюня прибыл Чэнь Гунтай, он ждёт в доме.

Гунтай — это второе имя Чэнь Гуна, известного стратега конца династии Хань. Цао Ан говорил именно о нём.

Гу Чжи поднял взгляд от крошек лепёшки и с лёгким безразличием посмотрел на Цзысю.

Хотя молодой человек разговаривал с отцом, его взор был направлен в сторону кареты для заключённых. Этот мимолётный взгляд пленника не остался незамеченным.

Цао Ан на мгновение замер.

Несмотря на то, что он не знал юношу в карете, и тот, судя по всему, был преступником, Цзысю всё же инстинктивно улыбнулся ему.

Это была не вежливая формальность и не фальшивое дружелюбие, а искренняя и настоящая улыбка.

Гу Чжи отвёл глаза, стряхнул с губ остатки еды и разгладил складки на одежде.

Сяхоу Дунь приказал помощнику генерала отвести новобранцев на постой и, повернувшись к Цао Цао, спросил:

— Кто этот Чэнь Гунтай?

Генерал ответил:

— Я встречался с ним несколько раз. Говорят, Чэнь Гунтай весьма умён и имеет обширные связи среди известных людей Поднебесной. Если бы удалось привлечь его на службу...

На этом месте он умолк.

Причина была проста: в его стане катастрофически не хватало людей.

Не хватало не только солдат и лошадей, но даже ни одного чиновника, способного держать в руках кисть.

Кроме родственников и друзей, следовавших за ним, у него было всего несколько верных воинов и тысяча новобранцев.

Если бы не крайняя нужда, Цао Цао бы не стал оставлять при себе подозрительного Гу Чжи, даже несмотря на его выдающиеся боевые навыки.

Услышав о прибытии Чэнь Гуна, он сначала обрадовался, но, произнеся слова «если бы удалось привлечь его на службу», почувствовал странную горечь.

Подумав, военачальник вспомнил, что говорил нечто подобное и тогда, когда Гу Чжи хитростью разбил вражеский отряд.

Вспомнив поведение пленника в дороге, генерал растерял всю свою радость.

Он проглотил оставшуюся часть фразы о поиске талантов и как ни в чём не бывало сменил тему:

— А Ни, Сюй-эр и Шо-эр не слишком шалили, пока меня не было?

Только что речь шла о Чэнь Гуне, и вдруг такой резкий переход к семье. Цао Ан на мгновение запнулся и внимательно посмотрел на отца.

— Пока вы были в отъезде, трое младших братьев постоянно вспоминали о вас и ждали скорейшего возвращения.

Он не сказал, слушались они или нет, но Цао Цао понял намёк.

Раз нет прямого ответа, значит, шалили.

При мысли об этих трёх «сорванцах» у генерала разболелась голова, и даже Гу Чжи перестал казаться такой уж большой проблемой.

— Сначала я встречу с Чэнь Гунтаем. Цзысю, здесь всё оставляю на тебя.

Перед уходом отец бросил взгляд в сторону кареты для заключённых.

Этот жест заставил Цао Ана обратить на Гу Чжи ещё больше внимания.

Он не успел спросить о дальнейшей судьбе пленника и теперь был в некоторой растерянности.

Мимо проезжал Сяхоу Дунь. Он похлопал племянника по плечу.

— Просто корми вовремя, это сейчас его единственное требование.

— Кормить вовремя? Требование?

Уже по одному этому слову юноша понял, что человек в карете — не обычный заключённый, и обращаться с ним нужно осторожно.

Но что значило это «кормить вовремя»?

Цао Ан хотел расспросить подробнее, но Сяхоу Дунь уже уехал со своим отрядом, оставив его наедине с новобранцами и повозкой в центре.

Подумав, Цзысю приказал помощнику пересчитать людей, а сам спешился и подошёл к Гу Чжи.

— Этот доблестный муж...

Тот услышал голос, поднял голову и встретился взглядом с молодым господином. На лице Цао Ана было виноватое выражение, словно он извинялся за плохой приём.

— Не пора ли подкрепиться?

— ?

Гу Чжи не знал, что Сяхоу Дунь сказал напоследок, но, судя по этому бессвязному вопросу, ничего хорошего.

Он не придал этому значения и проявил необходимую вежливость:

— Я только что съел две лепёшки, так что не голоден. Позвольте спросить, кто вы...

— Моя фамилия Цао, второе имя Цзысю, — тут же ответил юноша.

— Генерал Цао, — вежливо обратился к нему Гу Чжи. — Нет ли здесь места, где можно было бы омыться и сменить одежду?

Даже такой великодушный человек, как Цзысю, на мгновение замер с выражением крайнего изумления на лице, не говоря уже об окружающих солдатах.

В наступившей мёртвой тишине, под косыми взглядами, Гу Чжи оставался невозмутим и вежливо повторил:

— Генерал Цао, нет ли здесь места, где можно было бы омыться и сменить одежду? Я хотел бы принять ванну.

После долгой и пыльной дороги, конечно, следовало привести себя в порядок.

Но сидеть в карете для заключённых, будучи преступником, и при первой же встрече просить об этом... Не слишком ли это бесцеремонно?

Солдаты продолжали буравить его взглядами.

Гу Чжи, игнорируя насмешливые и восхищённые взоры, смотрел только на сына военачальника.

— Неужели это неудобно? Тогда не стоит.

В его голосе не было ни сожаления, ни разочарования, словно он спросил об этом просто от скуки.

— Нет... — опомнился Цао Ан. Вспомнив взгляд отца перед уходом, он посмотрел на собеседника с ещё большим любопытством. — Можно. Прошу доблестного мужа немного подождать.

Молодой человек подозвал помощника генерала, кратко отдал распоряжения и повёл отряд сопровождения вместе с каретой в город.

Перед самым уходом Цзысю обернулся и посмотрел на новобранцев, оставшихся у дороги.

Внешне он сохранял невозмутимость, не свойственную его возрасту, но в его глазах, отражавших чистое небо, читалась скрытая тревога.

Гу Чжи внезапно заговорил:

— Генералу не о чем беспокоиться. Нынешняя ситуация, возможно, именно то, чего и хотел генерал Цао.

Первое «генерал» было уважительным обращением к Цао Ану, второе «генерал Цао» относилось к его отцу.

Эти неожиданные слова заставили Цзысю вздрогнуть.

На его лице промелькнуло удивление. Он несколько раз открывал рот, подбирая слова.

— Почему доблестный муж так говорит?

«Неужели ты знаешь, о чём я думаю? — Цзысю на мгновение запнулся. — Как ты узнал? Какой ситуации хотел отец?»

Множество вопросов пронеслось в его голове, но в итоге он произнёс лишь одну короткую фразу.

Гу Чжи не стал говорить загадками. К людям с такой доброй натурой он не испытывал неприязни и не собирался водить юношу за нос.

— Вы, генерал, человек проницательный и наверняка заметили беспокойство среди новобранцев. Вы ничего не знаете об этих людях, поэтому невольно начинаете сомневаться — не поступили ли вы сами как-то не так, подорвав их боевой дух.

Цзысю давно научился скрывать свои чувства, но, столкнувшись с таким точным анализом своих мыслей, он всё же поднял глаза и пристально посмотрел на пленника.

Гу Чжи небрежно рассказал о том, что произошло в пути, словно говорил не о себе:

— Генерал Цао наказывает знатных и богатых, правит справедливо, он не слепой и не глупый человек. Если вы, молодой генерал, с первого взгляда заметили беспокойство новобранцев, то и ваш отец, проехавший с ними весь путь, тоже не мог этого не видеть.

Он медленно продолжал:

— Во-первых, эти новобранцы — не кадровые военные. Большинство из них — истощённые крестьяне. Их заставили покинуть дома стихийные бедствия и войны. Они борются за кусок хлеба и ничего не знают о дисциплине. Даже если бы не было этого инцидента, нашлось бы что-то другое, что вызвало бы их волнение. Этого было не избежать.

Цао Ан слушал очень внимательно, не выказывая ни малейшего сомнения.

Гу Чжи, удивлённый его реакцией, решил добавить:

— Во-вторых... Если бы вы, молодой генерал, были главнокомандующим и набрали бы тысячу совершенно незнакомых вам людей, как бы вы из них выбрали «годных к службе»?

Тысяча новобранцев — не так уж и мало.

Чтобы оценить характер одного человека, требуется время, что уж говорить о тысяче?

У них и так не хватало людей, отправлять доверенных лиц для долгой проверки было нереально...

Цзысю осенило.

Какое событие могло бы быстро отсеять солдат?

Его нахмуренные брови наконец-то разгладились.

Не нужно было устраивать строгих испытаний. Достаточно было понаблюдать за реакцией людей на «странного человека», чтобы составить представление об их характерах.

Молодой человек решил, что это был хитроумный план, устроенный его отцом, и, взглянув на Гу Чжи, этого «сообщника» в карете, он просветлел.

— Ради этого испытания вам пришлось нелегко, учитель.

По его мнению, Гу Чжи, согласившись подыграть Цао Цао и проехать весь путь в заточении, многим пожертвовал.

Он остановил караван, спешил и подошёл к карете для заключённых, собираясь лично открыть дверь и выпустить мужчину.

Когда Цао Ан слез с коня, пленник ещё не понял его намерений. Но когда юноша произнёс слово «нелегко» и поклонился ему с уважением, Гу Чжи сразу всё осознал.

Он понял, что Цзысю глубоко заблуждается.

Замок еще не щелкнул, рука молодого господина только коснулась засова, как он услышал

тихий смешок.

— Генерал, вы ошибаетесь. Мне совсем не было «нелегко».

Цао Ан ловко открыл замок и уже собирался распахнуть дверь, как другая, бледная и худая рука, легла на деревянные прутья, останавливая его.

Он удивлённо поднял голову и встретился с глазами цвета жидкого янтаря.

В этих глазах играла лёгкая усмешка, похожая на отражение деревьев на зимней озерной глади — призрачная и далёкая.

— Эту дверь лучше не открывать. Всё равно скоро снова придётся в неё входить, так зачем суетиться?

Цао Ан медленно отпустил руку, колеблясь.

— Вы...

— Это не было нашим с генералом Цао сговором.

Гу Чжи тоже отпустил прутья и прислонился к задней стенке.

— Ваш отец просто воспользовался ситуацией, мы ни о чём не договаривались заранее.

Другими словами, он был настоящим заключённым, без всяких скрытых мотивов.

Цзысю понял намёк, но запутался ещё больше.

Предположим, этот человек говорит правду.

Разве не лучше выйти из тесной повозки и почувствовать себя свободнее?

Почему он так доволен своим заточением, словно не хочет его покидать?

И что ещё более непонятно...

— Учитель, зачем вы мне всё это рассказали?

Он так и не стал обращаться к нему по-другому. Хотя Гу Чжи был его ровесником, Цао Ан уже не мог видеть в нём обычного сверстника.

— Отплатил камнем за персик.

Не «отплатил сливой за персик», а именно «камнем за персик» — на добро ответил камнем.

По мнению этого странного человека, его совет был всего лишь ничего не значащим камнем, не стоящим благодарности.

Цао Ан больше ничего не сказал. Раз Гу Чжи не собирался выходить, он не стал его заставлять.

Караван въехал в город и остановился перед довольно просторным старым домом.

Это здание было заброшено богатыми жителями после того, как Дун Чжо (Дун Чжо) сжёг Лоян.

Округ Хэней граничил со столичным округом, и хотя пожары не дошли досюда, страх перед тираном заставил людей бежать. Из-за грабежей солдат Дун Чжо округ стал пустынным. Даже чиновники покинули свои посты.

Поэтому эта «ничейная земля» стала временным пристанищем для Цао Цао.

Цао Ан смотрел на улицы, которые были пустынее, чем степи за Великой стеной, и чувствовал тяжесть на сердце.

Он знал о планах отца. Если бы удалось найти надежное место, чтобы начать...

Пока он размышлял, все уже вошли во двор.

Внутри были достроены несколько временных помещений, поэтому, войдя, они сразу оказались у главного зала.

Из-за плохой звукоизоляции, даже при закрытых дверях, оттуда доносились обрывки разговора.

Гу Чжи, задумчиво смотревший вперёд, смутно расслышал обсуждение.

— Семья Сюнь уже покинула родные земли... Сюнь Вэньжо...

Цзысю узнал голос Чэнь Гуна, прикрыл рот рукавом и дважды кашлянул.

Разговор тут же прекратился.

Через мгновение дверь главного зала открылась, и на пороге появился Чэнь Гун.

— Старший молодой господин.

— Учитель.

Обменявшись приветствиями, Чэнь Гун перевёл взгляд на огромную карету для заключённых и нахмурился.

<http://bllate.org/book/15998/1441655>